

В. А. Щипков

директор Русской экспертной школы, доцент МГИМО МИД России,
канд. филос. наук

СЕКУЛЯРНЫЙ ВЫЗОВ ЦЕРКВИ: ПРОИСХОЖДЕНИЕ, ХАРАКТЕР, ПЕРСПЕКТИВЫ

Современная капиталистическая система развивалась экспансивно начиная с XVI века. Её центр сначала был в Португалии, затем, в XVII–XVIII веках, — в Голландии, в XIX веке — в Великобритании, в XX веке — в США. Для культурно-политического обеспечения этой экономической экспансии требовалось мировоззрение, которое приспособило бы под этот проект все сферы жизни человека, включая религию и культуру. Этим мировоззрением стало то, что мы называем светскостью, или секулярностью, что запустило процесс, известный в социологии под термином «секуляризация».

Для человека, жившего до Нового времени и капитализма, до XVI века, сама идея «светскости» была непонятной и бессмысленной. Было разделение на вещи сакральные и вещи мирские, вещи вечные и преходящие. Но идеи «светского общества» не существовало. Как она возникла?

Мы можем сказать, что она уже была во времена Возрождения и Просвещения, стала причиной секуляризации культуры и постепенного вытеснения католической церкви из всех сфер жизни общества. Следствием этого стало появление протестантизма — обновленчества церковной жизни, которое было призвано приспособить Церковь к жизни в новых условиях и изменить её так, чтобы она не препятствовала развитию и экспансии

рыночной экономики, которая бы обособилась от окружающей культуры, отдала на откуп большую часть своей традиции так называемой светской культуре, светскому пространству. То есть создавалась Церковь, которая отделяет себя от экономики, культуры, политики и становится частной автономной сферой в более общем пространстве, называемом теперь светским. Как следствие, протестантизация означала подчинение церкви и её догматики общим для всех правилам и нормам светского пространства, светской власти. Неслучайно тогда же возник лозунг «чья страна, того и вера». То есть чья власть, того и Церковь.

При этом с самого начала секуляризация была не просто отвлечённой идеей, а своеобразным богословским процессом внутри христианства, каким она остаётся и сегодня.

Сложно точно сказать, в какой именно момент возникла эта идея. Но можно зафиксировать, что соответствующий процесс уже развивался в Средневековье, в католическом, схоластическом богословии.

Номинализм — катализатор секуляризации

Средневековое католическое богословие — схоластика — в итоге привело к серьёзным последствиям для всего латинского христианства и мировоззрения западного человека. Наиболее сильно на этот процесс повлияла одна из концепций этого богословия — номинализм. При этом номинализм — катализатор, а не первоисточник секулярной идеи.

Номинализм — это заявление, что все слова и вещи в мире существуют отдельно от их творца, что мир, природа, каждый человек — это механизмы, работающие полностью ав-

тономно, самостоятельно и отдельно от их создателя, часы, которые работают без часовщика.

В этом учении мир не имеет живой связи со своим Творцом (остаётся только воспоминание о Творце). Также становится невозможным познание Бога через его творение (ведь они больше не связаны), и любое познание Бога объявляется, по сути, вообще невозможным.

Прямым следствием этого становится отделение философии от богословия. Философия объявляется формой познания так называемой логической, объективной, научной истины, богословие же отодвигается на второй план, объявляется областью субъективной веры, которая не может ничего доказать и ничего познать.

Вера отделилась от знания. Религия от науки.

Была изобретена наука в её современном понимании. Область религиозного стала отделяться от области научного, субъективное знание — от объективного. Было создано само понятие «объективность», которое заменило слова «истина» и «правда».

Номинализм превратил речь и мышление человека из действия, всегда связанного с нравственным выбором, в математическую формулу, которая состоит из простых однозначных знаков, где x — всегда x , а y — всегда y . Проникнуть в нравственную сущность этих понятий-имён (номенов) нельзя, потому что в них её нет, нет дополнительного, глубокого смысла, который напоминал бы нам об их Создателе. Все ключевые понятия языка: «добро», «красота», «закон», «нравственность», «человек», «жизнь», «любовь» и другие — превратились в механические, плоские, математические «иксы» и «игреки», в примитивное, однозначное средство земной коммуникации между людьми. Ико-

на стала картиной, слова потеряли сакральное значение, жизнь человека потеряла религиозную глубину и ощущение вечности, философия оградила человека забором мирского и обрела над ним колоссальное влияние. Новая наука стала носителем новой «объективной истины», присвоила себе право объявлять и создавать истину. Это открыло путь к свободному конструированию общества и человека.

Было создано так называемое «социальное пространство» — некая номинальная область, обладающая абстрактными объективными законами, с помощью которых можно якобы описать и регламентировать всю жизнь человека и общества. Главное следствие — культура и религия стали подсистемами социального. Теперь не культура и религиозные нормы определяют устройство общества, а устройство общества стало определять, как должны развиваться культура и религия. Под обществом здесь имеется в виду абстрактная социальность, светскость, якобы универсальная, объективная и существующая вне человека.

Эта область социального распространялась на все сферы жизни, постепенно вытесняя из них религию. Религия выносилась, во-первых, во внешнюю сферу социального, на периферию, в тёмную невидимую область, которая находится где-то над обществом и недоступна для познания. Во-вторых, она вытеснялась во внутреннюю, так называемую интимную сферу человека: религия объявлялась частным делом и не должна была демонстрироваться в публичной сфере. То есть где-то высоко есть Творец-создатель, но он уже не влияет на нашу ежедневную жизнь, и есть внутренние психологические размышления и переживания каждого человека на религиозные темы, которые являются его субъективными переживаниями

и так же, как и Создатель, якобы не влияют на объективные социальные законы.

В первом случае религия трактовалась агностически, то есть как общая предпосылка всего нашего мира, но прямо не влияющая на него (по сути, то же самое, что атеизм). Во втором случае она трактовалась психологически, как некая исключительно субъективная, внутренняя и индивидуальная вера человека — так называемая «вера в душе» или «Бог в душе», то есть что-то личное и персональное, некий тёмный и неструктурированный религиозный психологизм, залегающий в труднодоступных уголках души, который не имеет отношения к объективному миру и поэтому должен стыдливо скрываться, как обычно скрываются слабости и недостатки.

Создание социальной сферы поместило религиозность между этими двумя полюсами — агностицизмом и индивидуализированной верой, сделав их единственной нормой для современного западного человека и, по сути, вытеснив религию и Бога из жизни. Область социального стала полным синонимом области секулярного, светского, где религия отделена от науки, вера от разума, а религиозная этика — от светской этики.

Ещё одно важное следствие номинализма — изменился взгляд на исторический процесс, возник новый тип исторического мышления.

Секулярная культура называет западного человека не только секулярным, или светским, но чаще всего — современным. Идея «современности» (или «модерна») была изобретена ещё раньше социального пространства, это произошло уже в эпоху Возрождения. Она предполагает, что история человечества делится на три принципиальных периода: на древнее время, на века промежуточные, которые назвали «средними», то

есть неполноценными, и на «современность», которая начинается с XIV–XVI веков и полностью совпадает со временем рождения новой секулярной европейской философии и культуры, с так называемой эпохой Нового времени. При этом «современное» стало синонимом хорошего, а «прошлое» и «древнее» — синонимом плохого. Таким образом, сама хронология стала идеологией, в которой новое всегда лучше старого, а исторический процесс — это бесконечная череда революций, задача которых прерывать традицию, отсекают прошлое от современного, освобождать современность для дальнейшего развития к лучшему, ради прогресса.

Идеология современности была изобретена для того, чтобы христианская традиция, которая всегда связана с религией, не мешала управлять обществом. Прерывание традиции стало считаться благом. А смысл истории стал задаваться не ценностями, которые всегда связаны с традицией, то есть с чем-то надысторическим и религиозным, а искусственными утопиями.

Западная теология передала свои функции философии. Католическая и затем протестантская церковь уступили свои обязанности новой светской власти. Таинства и богообщение были заменены искусственной радостью, эмоциями, главным образом через высокое искусство — светскую живопись, музыку, театр. Так возникла концепция чистого искусства, «искусства ради искусства». Считается, что это механизм, который может передать человеку любые глубокие эмоции и переживания, независимо от воли и духовной работы самого человека. Поэтому до сих пор талантливые художники Возрождения воспринимаются как обожествлённые сверхлюди, способные создавать миры (богов) и религии.

Результатом этой новой реальности стало то, что функции христианского духовенства и пастырей взяли на себя новые светские люди — философы, художники, политики; они стали новыми пастырями народа и начали вместо духовенства проповедовать добро и зло, истину и ложь, но уже без опоры на христианские заповеди и церковную традицию. Эту группу людей позже стали называть интеллигенцией.

В результате этих процессов стало возможным свободно переосмысливать человека, добро и зло, а также создавать образы идеального мира — рая на земле. Их стали называть утопиями. Возникло утопическое мышление, которое завораживало людей идеей достичь рая не внутренним преображением, а изменением внешнего порядка вещей — в науке, культуре, социальном устройстве. Когда одна утопия приводила к революции в нравах или политике, она отодвигалась как выполнившая миссию, и появлялась другая — более амбициозная и смелая. Смысл истории оказался заключённым в посюсторонние рамки земной жизни, стал атеистическим и материалистическим — движение от одной утопии к другой, от одной новинки к другой. И в самом этом движении светскость видит высший смысл человечества.

Сегодня этот механизм современности, или прогресса, поставлен на производственные рельсы, является обкатанной технологией. С одной стороны, он используется экономикой, которая создаёт «инновации», то есть веру в то, что новое — хорошо, только потому, что это новое. С другой стороны, он применяется для смены политических режимов путём цветных революций, строится на убеждении в том, что революция сама по себе всегда является благом, потому что это слом старого во имя нового.

Идеология современности (прогресса) и утопическое мышление привели к тому, что любой слом традиции объявлялся нравственным делом. Отсюда позже возникают попытки религиозно оправдать революции. Например, эти идеи звучали перед 1917 годом в русской религиозной философии. Эти же идеи стали тиражироваться в православной среде во время протестов на Болотной (2011) и киевского Майдана (2014) — появился даже термин «богословие майдана».

Номиналистский разрыв связи между Творцом и творением не только сделал Творца непознаваемым для творения, но и поставил их на один уровень, объявил, что божественная сила и силы природы — качественно суть одно и то же, только в разных количествах и пропорциях, и высшего мира и высших сил нет. Это отменило принцип иерархии. Разные идеи перестали определяться как более высокие и более низкие, более важные и второстепенные. Мир превратился в некое плоское пространство, состоящее из отдельных номинальных идей, вещей, форм, причин, которые сочетаются друг с другом искусственно или случайно, но на самом деле не связаны. Всё в мире стало дискретным, то есть прерывистым и раздробленным: пространство, время, мышление, сама жизнь. Эта борьба с иерархией в течение многих столетий нашла отражение в Реформации, в европейских революциях, в постепенной эмансипации человека и его прирастании к земному миру. Эта борьба с иерархией и ценностями вылилась в XIX веке в нигилистическую философию Ницше, а в XX веке в постмодернизм и отрицание возможности существования истины и правды.

Номиналистская трактовка богословия в конце концов привела к развитию множества секулярных идей. Это и теория светского государства, и антропология гуманизма (где человек

объявляется высшей ценностью, выше Бога), это материализм и агностицизм (которые описывают мир, не связанный с Божественной волей), теория автономной нравственности (автономное и совершенное устройство внутри человека, не связанное с Богом; окончательно сформулировано Кантом), теория современных международных отношений, которые с XVI века строятся так, «как если бы бога не существовало». Это, наконец, постмодернизм, который провозглашает относительность добра и зла и невозможность существования истины.

Светскость в западном христианстве и православии

Предпосылки возникновения секуляризации лежат в области человеческого духа и возникают в момент грехопадения. Однако секуляризация как распространение набора идей, конкретной философии и идеологии (которую иногда называют секуляризмом), влияющая на сегодняшний мир, окончательно возникает в позднем Средневековье и оформляется у номиналистов. Современный английский теолог Джон Милбанк прямо называет секулярную идею средневековой ересью внутри католичества, которая исказила христианское учение, открыв дорогу современному западному глобальному мирупорядку с его узакониванием греха, циничным рынком и бездушной наукой.

Таким образом, светскость — это не нейтральное состояние общества, где нет никакой религии и обязательной иерархии ценностей. На деле одна иерархия была заменена на другую, одна вера стала вытесняться другой. Секулярная идея, как и различные ереси, есть своеобразная форма религиозности,

которая утверждалась через отрицание христианства и другое понимание Бога, человека, общества, истории.

При этом светскость исторически боролась не против любой религии вообще, а именно против западного христианства, и только затем против других религий.

Светскость — это богословское отклонение в западном христианстве. Поэтому не существует своей «светскости» в исламских, буддистских и даже православных обществах. Светскость там — это та же западнохристианская светскость, навязываемая этим обществам извне.

Поэтому секуляризм, или идеология светскости, как элемент секуляризации на Западе и в России (и других некаатолических и непротестантских странах) решает свои задачи принципиально разными путями.

На Западе, в латинском мире, секуляризм сначала действует догматически, богословски, как ересь, а затем вызывает мощные культурные и политические последствия. У западных христиан этот процесс начинается с догматики и заканчивается политикой.

В православном мире всё наоборот: секуляризм как элемент чужого богословия, как еретическое направление внутри другой религии не может прямо влиять на православную догматику, которая обладает иным внутренним строением. Вместо этого секуляризм много столетий действует в православном обществе политически; сначала он влияет на внешние формы жизни нашего общества и лишь потом стремится изменить православные каноны и догматику. Сначала Пётр I верит в эффективность европейского государственного устройства, затем отменяет патриаршество. Сначала происходит политический переворот 1917 года, затем советская власть инициирует обновленчество.

Сегодня на константинопольский патриархат и ситуацию на Украине секулярные силы воздействуют тоже политически, вследствие чего страдает догматика, канонический строй Церкви, уходят в раскол те, кто ставит политическое выше канонического.

Для православного мира, для исторически православных стран идеология светскости, секуляризм — это в первую очередь политическая проблема и только во вторую — богословская. Для Запада секуляризм — это в первую очередь богословская проблема, а затем политическая.

Сегодня на Западе секулярное мировоззрение переосмысливают и либералы-глобалисты, и христианские консерваторы-традиционалисты. Либералы понимают, что нельзя больше делать вид, что религия вот-вот престанет существовать, что весь мир станет нерелигиозным, как Западная Европа, либерализм победит, а «история закончится». Ещё в 1970-е годы западная гуманитарная наука объявляла, что будет непременно так, что якобы действует общий исторический закон, согласно которому модернизация общества ведёт к его секуляризации. Но в конце XX века те же самые учёные сказали, что ошиблись. Усиление религиозного фактора во всём современном никак не вписывалось в эту картину. При этом именно на этих идеях несколько столетий выстраивалась современная глобальная экономика, система мирового распределения благ, где протестантско-секулярный Запад занимает центральное место. Сохранение светской идеологии для него является вопросом выживания. Поэтому перед западной секулярной интеллектуальной элитой возникла задача сделать так, чтобы секулярная философия не исчезла в XXI веке под натиском традиционных религий и других форм религиозности. Сегодня они пытаются упаковать и спрятать эту идеологию в новую обёртку

и создают разные экспериментальные концепции: плюрализм светскости и религии, «понимающая» светскость, постсекулярность и так далее.

Есть на Западе и другая группа философов. Это консервативные христиане, которые осознают, насколько безрадостным будет будущее западной цивилизации, если не вырвать её из рамок секуляризма и не вернуть к христианским истокам. Среди них, например, упомянутый философ Милбанк, который настаивает на том, что светскость — это квазирелигиозное учение, средневековая францисканская «ересь», и обоснованно указывает на то, что светскость находится не над религией, а сама является подобием религии. Он говорит о необходимости вернуть западному христианству главенствующую роль в мировоззрении Запада, как это было в Средние века.

При этом важно понимать, что преодоление секулярности на Западе и в России — это разные пути. Запад живёт в культуре, которая сформирована секулярной догматикой, секуляризм является основой этого здания, его нельзя просто взять и механически вынуть без потерь для Запада. Поэтому современные консервативные западные богословы пытаются доказать, что секуляризм не является родовым признаком западного христианства, что это ересь, отклонение в католичестве. Они хотят разобраться в себе, своём богословии и своей религиозной традиции, чтобы вернуть в свою западную культуру христианские основы. Для них это считается смелостью на грани радикальности, но это путь, который они проходят.

Для православия светскость тоже является отклонением, но отклонением не в православии, а в том же западном христианстве. Секулярные процессы в России, которые особенно активно начались при Петре I, — не производное от нашего

богословия, а импортируемая часть западной культуры и теологии. Правда, это не снимает с православия ответственности за выработку ответов импортируемому политическими методами богословию.

По этой причине Русская церковь не сможет легко договориться с западными консервативными христианскими мыслителями и деятелями (как и Россия в целом — с западными консерваторами, симпатизирующими России). Некоторые западные политики и интеллектуалы могут с симпатией относиться к православию, переходить в православие и делать это совершенно искренне. Но они решают свою локальную задачу — пытаются сохранить христианство как ядро Запада, без которого разрушится существующая экономическая и политическая архитектура западнцентричного глобального мира, а Запад, соответственно, перестанет быть его центром. Безусловно, христианские силы на Западе начинают критиковать секуляризм за его потворство нравственному упадку, за его беспомощность перед мусульманским религиозным давлением, но также и за то, что секуляризм перестаёт обеспечивать Западу его центральное место в мире. О России и православии в данном случае они не заботятся.

Постсекулярное состояние культуры

События XX века подвели промежуточные итоги проекту Просвещения и позволили со стороны и с меньшими иллюзиями посмотреть на идею светскости. Сами проводники светской, секулярной идеологии, обслуживающей глобальную рыночную экономику, признают, что не могут дальше поддерживать иллю-

зию существования абстрактных, светских общечеловеческих ценностей, общечеловеческого здравого смысла. Прежние просвещенческие аргументы сегодня потеряли свою убедительность и могут быть навязаны только физической силой.

Номиналистский поворот в западнохристианской мысли привёл к появлению в Новое время идеи и области «социального» — универсального и якобы ценностно нейтрального пространства, по отношению к которому все остальные области: культура, религия, экономика, политика — были объявлены подсистемами. Абстрактное «социальное» и было синонимом светскости.

Современная ситуация позволяет говорить о том, что секуляризм, или идеология светскости, — это не универсальное явление, а локальное северо-европейское религиозное мировоззрение, которое принимает форму разных философских идей, вроде существующих непреложных социальных законов, первичных по отношению к культурам и религиям. Светскость — такая же форма ереси, как арианство, несторианство или иконоборчество. Фактически современная философия всё чаще вынуждена признавать, что нет разделения на религиозное и нерелигиозное. Нет общего и нейтрального светского пространства, которое само не было бы религией, но в которую входят все остальные религии. Светскость — тоже вид религиозного состояния. Из этого следует прямой вывод, что не существует объективных, универсальных социальных законов: социальное, то есть то, как живёт общество, всегда вытекает из культурных и религиозных предпосылок. Социальное — подсистема культурного, а культурное — подсистема религиозного. То есть именно социальные законы определяются возвышающимися над ними ценностями, а не наоборот. Теология секуляризма исторически

создавала секулярную, светскую социальность, определяя социальные модели поведения.

Признание же светскости формой религии ведёт к тому, что любой смысл и любая ценность религиозно опосредована и в конечном счёте зависит от того, какому богу (Богу) служит человек. Спор науки и религии, священника и учёного, верующего и неверующего с этого момента продолжается уже в другой форме — как спор разных религий. А противостояние между религией и светскостью, верой и разумом — это противостояние между разными религиями. Новые идеологии и мировоззрения, например трансгуманизм, также будут всё чаще показывать свой религиозный характер. Надежда на гармонию между христианством и секулярным миром, характерная для протестантской теологии и следующего в его фарватере либерал-православия, обнаруживает свою иллюзорность: попытки увидеть в секулярном мире гуманизм, равный христианской этике, не делает «гуманистические» силы христианскими, не препятствует использованию ими гонений на Церковь. Сегодня христиане перестают питать иллюзии о том, что возможна гармония светского и религиозного.

Возвращение светскости в теологические рамки означает постсекулярное состояние культуры и дискурса.

Значение для Церкви

На наших глазах происходит отрыв ядра мировой экономической системы от западнохристианской цивилизации. Если экономическое ядро в будущем переместится из США в Азию, о чём часто говорят экономисты, тогда идею светскости могут

попытаться вмонтировать в индуизм и родственный ему буддизм. Этот процесс идёт с конца 1960-х годов. Многие западные секулярные люди (атеисты, агностики) предпочитают переходить в буддизм как в религию, поклоняющуюся абстракции. Социолог Питер Бергер рассказывал, что, когда он проходил лечение в израильской клинике и в своей анкете не указал приверженность к какой-либо религии, это автоматически было расценено как атеизм, и к пациенту прикрепили буддистское духовное лицо.

Для торможения этого процесса секулярные силы предпринимают попытки спрятать обнаруживающий свои религиозные основания секуляризм в другую форму — плюрализм, постсекулярность, взаимообучение светскости и религиозности. Задача этого — оставить западное христианство встроенным в секулярную систему координат, сохранив социально-экономическую конструкцию современного мира. Это осуществляется в том числе через легализацию во всей современной культуре неоязычества и другой нетрадиционной религиозности. Одновременно продолжается либерализация протестантского и католического богословия, чтобы оно легализовало и одобрило такие явления, как однополые браки, эвтаназию, аборты и прочие черты трансгуманизма. Важно, что не объявляется полный разрыв с христианством, но продвигается его тотальная либерализация. Мы живём в эпоху, когда светские принципы обнаруживают свои религиозные основания, но стремятся сохранить свои социальные и культурные функции, сохранить своё главенствующее и привилегированное положение по формированию социальных моделей поведения в обществе. То есть определять, как человек себя ведёт, ради чего он живёт, чего он хочет и чего боится.

Поэтому актуальные угрозы Церкви сводятся к главному и общему принципу секуляризма — не дать Церкви выйти за границы светской, секулярной идеологии. На Западе этот процесс начинается на уровне богословия и затем принимает формы юридических законов. В других странах дело обстоит иначе. Их вовлекают в экономический и правовой ареал западных стран, навязывают международные нормативы, законы, что затем приводит к реальному изменению ценностей. В России это выражается в постоянном напряжении между православными нормами жизни и теми западнохристианскими секулярными идеями, которые обслуживают глобальный рынок.

Принятие Церковью секулярных идей означает возможность для секулярной культуры использовать Церковь и христианство (или те пустые, секуляризованные формы, которые от них остаются) как политический инструмент — принуждать Церковь обслуживать «партийные» либеральные интересы. На практике это означает встраивание церковного ресурса в систему управления мировой экономической периферией, осуществляемого экономическим центром («богословие майдана», поддержка либеральных реформ, мобилизация на уличные протесты и проч.). Одновременно это разрушает Церковь, нарушает её каноничность и вселенский (кафолический) характер.

Также это создаёт для секулярной культуры механизм, позволяющий самостоятельно определять добро и зло, с опорой на юридические процедуры, а не на нравственность и церковную традицию, создавать новые, немислимые ранее нормы и образцы поведения, заниматься социальным конструированием и оправдывать это развитие.

Противостояние христианства и светскости — это процесс, который происходит в рамках христианского богословия.

УДК 316. 75(470+671)
ББК 60. 0(2Рос)
Т37

Т37 **Тетради Русской экспертной школы № 5** : научное издание / Под ред. В. А. Щипкова. – Москва : Русская экспертная школа, 2020. – 104 с.

ISBN 978-5-6041154-3-5

Очередной выпуск Тетрадей Русской экспертной школы представляет читателям тезисы докладов, прозвучавших на семинаре Школы в г. Серпухове 25–26 ноября 2019 года. В этом выпуске затрагиваются следующие темы: современное российское законодательство о культуре, технологии уличных протестов против строительства храмов, негативные последствия закона о профилактике семейно-бытового насилия, неоязычество и регионализм как политические инструменты, происхождение и действие секулярных вызовов перед лицом Церкви.

веб-сайт: russian-expert.ru

электронная почта: mail@russian-expert.ru

ISBN 978-5-6041154-3-5

© Русская экспертная школа, 2020

© Щипков В. А., 2020

Содержание

В. В. Аристархов

Законодательство о культуре. Предмет спора и группы интересов 5

О. А. Матвейчев

Храм и митинг. Технологии уличных протестов на примере
Екатеринбурга 34

Э. Ю. Жгутова

Правоприменительная практика и негативные последствия закона
о профилактике семейно-бытового насилия 50

Игумен Виталий (Уткин Игорь Николаевич)

Этнофутуризм, неоязычество и регионализм как политические
инструменты 65

В. А. Щипков

Секулярный вызов церкви: происхождение, характер,
перспективы 87

Эксперты номера

Аристархов Владимир Владимирович

директор Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва, в 2013–2018 гг. – первый заместитель министра культуры Российской Федерации

Жгутова Элина Юрьевна

член Общественной палаты РФ, руководитель «Общественного центра по защите традиционных семейных ценностей “Иван Чай”»

Игумен Виталий (Уткин)

секретарь Архиерейского совета Ивановской митрополии, секретарь Учёного совета Свято-Алексеевской Иваново-Вознесенской православной духовной семинарии, руководитель Миссионерского отдела Иваново-Вознесенской епархии

Матвейчев Олег Анатольевич

профессор НИУ ВШЭ, политический технолог и консультант, канд. филос. наук

Щипков Василий Александрович

директор Русской экспертной школы, доцент МГИМО МИД России, канд. филос. наук